

МЕРЛО-ПОНТИ

Авторы: И. С. Вдовина

МЕРЛО-ПОНТИ (Merleau-Ponty) Морис (14.3.1908, Рошфор-сюр-Мер – 3.5.1961, Париж), франц. философ, представитель [феноменологии](#). Окончил Высшую нормальную школу в Париже (1930). Преподавал в Лионском ун-те (1945–48), Сорбонне (1949–1952) и Коллеж де Франс. В 1945 совм. с Ж. П. [Сартром](#) создал ж. «Les Temps modernes» (в 1953 между М.-П. и Сартром произошёл разрыв по политич. причинам). Филос. воззрения М.-П. сложились прежде всего под влиянием Э. [Гуссерля](#) и М. [Хайдеггера](#), М. [Монтеня](#), [Мен де Бирана](#), А. [Бергсона](#); он опирался также на исследования [гештальтпсихологии](#), [бихевиоризма](#) и [психоанализа](#).

Философия понималась М.-П. как постоянное непредвзятое вопрошание, направленное на раскрытие бытия, безмолвно присутствующего за всеми нашими утверждениями и отрицаниями и сформулированными нами вопросами. В своём движении к онтологии, раскрывающейся через описание человека в его существовании, М.-П. стремился выявить исходный целостный контакт человека с миром, отыскать феномен «по ту сторону мира объектов». Таковым в «Феноменологии восприятия» («Phénoménologie de la perception», 1945, рус. пер. 1999) предстаёт первичное восприятие, субъектом которого является человеческое тело, выступающее универсальной мерой и основой, на которой вырастают все человеческие смыслы и значения. Интенциональность становится характеристикой не

только сознания, как это было у Гуссерля, но прежде всего тела, и выражается в позиции человека «я могу». В неоконченном соч. «Видимое и невидимое» («Le visible et l'invisible», 1964, рус. пер. 2006) центральным становится понятие плоти (la chair), фиксирующее единство тела и мира и позволяющее мыслить их, не обращаясь к противопоставлению субъекта и объекта. Понятие плоти относится не только к человеку как воплощённому бытию, но и к миру в целом: плоть всегда уже есть. Тело-субъект и мир переплетены друг с другом (хиазм), взаимнообратимы. Эту взаимнообратимость М.-П. называет перцептивной верой, которая предшествует опыту и традиционно понимаемому восприятию, до любой философии она имеет дело со смутной целостностью, где всё существует вместе. Тело принадлежит не только «я», но в равной мере и внешнему миру, это пробел в плоти мира, скрепляющий, однако, её бытийную ткань. Изначальный контакт человека с миром есть одновременное приятие мира человеком и человека миром.

В работах лингвистич. содержания («О феноменологии языка», 1951; «Проза мира», 1969) М.-П. обосновывает причастность человека бытию через язык, речь, показывая, как из первичного восприятия и сопровождающего его жеста возникает языковое поведение. Феноменология языка рассматривает его как живой творч. процесс, в котором «говорящий субъект» использует наличный лингвистич. материал для создания новых смыслов. Язык выступает как инструмент самовыражения индивида, облекающего в слова свой первичный спонтанный перцептивный опыт, чтобы сообщить его другому. Собственно человеческий мир – мир культуры – возникает в тот момент, когда складывается система «я – другой», когда между телом «я» и его сознанием и телом и сознанием другого появляется внутр. связь. Поскольку феноменологич. и экзистенциальная философия ставит своей целью не объяснять мир, а оформлять переживания этого мира, задачи философии сближаются с задачами иск-ва, прежде всего худож. лит-ры и живописи.

Время в концепции М.-П. рождается из первичного отношения человека к вещам, которые всегда погружены в настоящее, пребывая в своего рода вечном пред- и постсуществовании. Источником, из которого истекает время и где сохраняется единство мира и непрерывность историч. бытия, является плоть. Вместе с тем время неразрывно связано с «я», с субъектом, в котором оно совершается, который его

«проживает», осваивает. Прошлое и будущее обнаруживаются только благодаря субъекту, который нарушает полноту бытия, вводя в него феномен перспективы и небытия. Различие «проживаемого» (удерживаемого настоящего) и представленного (созидаемого в сознании) времени определяет понимание истории у М.-П. в её двойственности – как проживаемой «личной» истории и как объективируемой «внешней» истории. В истории нет ни абсолютного детерминизма, ни абсолютной свободы, которая всегда ограничена как ситуацией, содержащей зону уже осуществившихся проектов («всеобщее»), так и предсознательным («экзистенциальным») выбором человека. В историч. действии случайное выступает в качестве структурирующего начала, а структура рождается в сфере случайного. Смысл истории является результатом значений, которые историч. субъекты проектируют в недрах их сосуществования.

Литература

Соч.: Humanisme et terreur: essai sur le problème communiste. P., 1947; Sens et non-sens. P., 1948; Les aventures de la dialectique. P., 1955; Résumé de cours. P., 1968; Structure du comportement. 8 éd. P., 1977; L'union de l'âme et du corps chez Malebranche, Biran et Bergson. 2 éd. P., 1978; Око и дух // Французская философия и эстетика XX в. М., 1995; В защиту философии. М., 1996; Знаки. М., 2001.

Лит.: Lefort C. Sur une colonne absent: écrit autour de Merleau-Ponty. P., 1978; Esprit. 1982. № 6: M. Merleau-Ponty; Sichère B. Merleau-Ponty, ou Le corps de la philosophie. P., 1982; Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. М., 2002; Бражникова Я. Г. Плоть и история. К идее архитектурного прошлого в философии М. Мерло-Понти // Логос. 2004. № 1(41); Merleau-Ponty. Critical assessments of leading philosophers / Ed. by T. Toadvine. L.; N. Y., 2006. Vol. 1–4; Alloa E. La résistance du sensible: Merleau-Ponty critique de la transparence. P., 2008; Вдовина И. С. Феноменология во Франции. М., 2009.